

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

Двойной
крутой
детектив

Черная жемчужина

Писательница детективов Алена Дмитриева и не подозревала, что главу ее нового романа используют как сценарий нападения. Но кто-то это сделал, и в итоге пострадали сама Алена и молодая женщина, возвращавшаяся домой через темный парк. Алена решает: она обязана выяснить, кто злоумышленник. В ходе расследования ей в руки попадают фрагменты некой картины, интересной своей серо-черно-белой гаммой и тем, что за ней охотятся вооруженные бандиты...

Писательница Алена Дмитриева

Елена Арсеньева

Черная жемчужина

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Черная жемчужина / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
— (Писательница Алена Дмитриева)

ISBN 978-5-699-33358-5

Писательница детективов Алена Дмитриева и не подозревала, что главу ее нового романа используют как сценарий нападения. Но кто-то это сделал, и в итоге пострадали сама Алена и молодая женщина, возвращавшаяся домой через темный парк. Алена решает: она обязана выяснить, кто злоумышленник. В ходе расследования ей в руки попадают фрагменты некой картины, интересной своей серо-черно-белой гаммой и тем, что за ней охотятся вооруженные бандиты. Причем разобраться в сюжете изображения невозможно, пока не отыщутся остальные фрагменты. Но где же они могут быть, а главное, кому и зачем понадобилось разрезать картину на части?..

ISBN 978-5-699-33358-5

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

33

Елена Арсеньева

Черная жемчужина

*О ночь мечты волшебной,
Восторги без конца...
О где же ты, мечта,
Где ты, греза,
И счастье?..*

Ария Надира из оперы «Искатели жемчуга»

*– Возьмите мою радужную оболочку и дайте мне вашу любовь.
– Идите покушайте синих грибов!*

Юрий Олешиа

«Вечер оказался холодным, и она скоро пожалела, что вышла на улицу в такую нелюдскую пору. Ну посидела бы хоть однажды перед телевизором, как все нормальные люди, посмотрела бы что-нибудь сериальное, к примеру, про лубофф, – нет, потащилась моционничать...

Ветер выбивал слезы из глаз, и она скоро пожалела, что не смыла тушь с ресниц. Приходилось то и дело осторожно промокать уголки глаз мягким бумажным платочком, чтобы тушь не потекла, однако то ли платочек оказался не столь уж мягок, то ли ветер усиливался, то ли еще что, но глаза слезились все сильнее.

Правую ногу сзади саднило, и она пожалела, что не наклеила пластырь, а ведь знала же, что новые эти кроссовки немного трут пятки.

Ладони замерзли, она сунула их в карманы и пожалела, что забыла перчатки. А руки снова и снова приходилось вынимать из карманов, чтобы доставать платок и вытирать слезы, которые текли все сильнее, поэтому вскоре пальцы вообще заоченели... Не сразу до нее дошло, что глаза так сильно слезятся не столько от ветра, сколько от того, что этот дурацкий бумажный платочек был пропитан ментолом. Она пожалела о своем пристрастии к ароматизированным одноразовым платочкам.

Короче, странно еще, что она не пожалела, что вообще родилась на свет! Но вот как-то почему-то не пожалела... может быть, потому, что света вокруг практически не было: разве что самую малость – от уличных фонарей. Да, ветреный ноябрьский вечер – не то время, когда можно наслаждаться жизнью. То есть нет, ею можно наслаждаться, и даже очень, но не на улице, а там, где потеплей. Например, в ресторанчике, мимо которого она только что прошла. Или вон за теми бесподобными кремовыми шторами, которые она углядела в окне второго этажа в новом доме, оставшемся позади. И даже в этом «старом фонде», под натиском амбициозных новостроек доживающем свои последние развеселые, пьяно-песенные денечки.

– ...бедна сакля твоя! – долетело оттуда разухабистое, и она ужасно удивилась тому, что в наше время еще кто-то поет по Хаз-Булата удалого, а не про миллион алых роз или про это, как его... что-то не вспоминалась навскидку ни одна современная песня, которую можно было бы в компаниях петь, вот разве что про день рождения, который, к сожалению, только раз в году... так что, может, и впрямь Хаз-Булат вполне актуален, поскольку удал, смел, мужественен и вообще не мог поступиться принципами, что такая редкость в наши продажные, продавленные, прогнутые времена...

Она обогнула парк Пушкина – в нем было как-то очень уж темно и мрачно, почему-то половина фонарей не горела, а летние кафешки уже закрылись, да и ресторан «Онегин» (ну да, он вот так назывался, в несоблюдение всех правил орфографии, как нынешних, так и минувших), неделю назад опечатанный за несоблюдение каких-то там норм, не то санитарных, не то эпидемиологических, не то всех, вместе взятых, погасил свою вывеску, – и выбралась на

обходную дорогу. Прошла несколько шагов по унылой, неуютной обочине и подумала, что пора возвращаться. От такой прогулки никакого удовольствия, а назад идти будет тем приятней, что ветер станет дуть в спину.

Подумать-то она подумала, но повернуть еще не успела, как сзади ударил свет фар, потом приблизился рокот мотора, потом он стих, и чей-то голос окликнул:

– Девушка, что такая грустная идешь? Может, подвезти?

– Спасибо, не нужно, – ответила она, не оборачиваясь и не вдаваясь в подробности, что идет она вовсе не грустная, а замерзшая.

Черт, нестати: теперь придется топтать дальше, пока эти приставучие не проедут. Вообще закон природы, проверенный эмпирическим путем неоднократно: если женщина идет одна, то каждые пять минут около нее непременно притормаживает один-два автомобиля. Кто-то молча, искательно поглядит, опустив стекло, кто-то предложит подвезти, кто-то откровенно выскажется, что именно ему нужно от этой одинокой женщины. Самое странное, что все почему-то обращаются на «ты».

Этот человек, сидевший в автомобиле, не был исключением. Только, в отличие от других, получивших отказ, он оказался еще и неотвязным.

– Ну давай, поехали с нами, – не отставал голос, с каждым словом, с каждым мгновением казавшийся ей все более гнусавым и неприятным. – Ну чо ты, а? Не пожалеешь! Скока ты хошь? Ну, чо молчишь, слышь?

Этот провинциальный говор, этот лингвистический охлос были для нее похлеще ударов кнутом, она аж передернулась, даже не скрывая отвращения, и это, кажется, не осталось незамеченным.

– Ну чо морду воротишь, чо не нравится?

Голос раздался совсем рядом, и до нее дошло, что машина остановилась и преследователь догнал ее. Через мгновение он уже схватил ее за плечо и резко повернул к себе:

– Гюльчатай, ну открой, блин, личико!

И почему она решила, что преследователь один?..

Рядом стояли трое: бледнели пятна лиц над квадратными кожаными плечами; какой-то морально-устарелый вид забубенных качков, извергнутых из чрева (кстати, не факт, что именно из чрева – но факт, что не из головы, как Зевсова дочь Афина! – а вполне возможно, простите за невольную скатологию, из анального отверстия!) перестройкой и ныне сохранившихся, казалось, только в романах Бушкова; медлительное движение челюстей, гоняющих туда-сюда во рту жевательную резинку... цивилизованные, да, уроды?.. Скажите на милость, откуда что берется?!

Кстати, а вот о цивилизованности... ее иногда просто-таки пробивали мысли, так сказать, ниоткуда: интересно, родись эти охламоны (между прочим, очень даже не исключено, что слово сие происходит от греческого «охлос», что означает чернь – ну, короче, то же, что римское «плебс») в дореволюционную эпоху, в веке этак девятнадцатом, кем бы они были? Да небось мирно пахали бы землю и сеяли хлебушек, зная не зная, что зелень и деревянные имеют отношение не только к миру растительному... А впрочем, чужая душа – потемки, запросто могли пойти в тати ночные и разбойничать на большой дороге, как вот эти... бледнолицые, просим, конечно, прощения у Фенимора Купера и иже с ним за плагиат.

– Что вам от меня нужно? – неприветливо спросила она, мысленно обшаривая собственные карманы и прикидывая, чего есть шанс лишиться, если это и в самом деле вульгарные грабители. Мобильный забыт дома – и такое ощущение, что очень удачно забыт, денег с собой нет вообще – чтобы уберечься от искушения прервать мотион и подсесть на какой-нито общественный транспорт, а также дабы мысли не взбрело заглянуть в магазин и купить что-нибудь на ужин. Худеть, нет, надо худеть со страшной силой! Кольца и серьги она не надевала – какой

смысл, если их никто не видит в темноте? – часы самые простые, жалко, конечно, с ними будет расставаться в случае чего, но тут уж как повезет, может, и не придется...

Все-таки у нее не совсем пустые карманы. Она ведь ждала чего-то в этом роде, именно поэтому...

Неужели это именно то, чего она ждала и чего боялась? Неужели оно? Вообще-то думала, что это случится иначе, не столь тривиально и пошло.

А почему иначе? Что, она имеет дело с кем-то семи пядей во лбу? Обычный охлос, как уже было подмечено. Или... не обычный? А если все вот так примитивно обставлено именно для того, чтобы усыпить ее подозрения?

Нет уж, они бдительны, как... ну, пожалуй, как тот дяденька на ретро-переретроплакате, который призывал: «Враг не дремлет! Будьте бдительны!»

– Что вам от меня нужно?

– Да ничо, – пожал плечами гнусавый. – Ничо такого, ты чо? Потрахатцо маленько. Ты как? Не против?

О господи, то ли они и в самом деле такие простые, как трехрублевка советского образца, то ли решили ее разозлить, чтобы возмутилась, потеряла голову, утратила над собой контроль. Тогда-то с ней сладить будет – легче легкого!

– Вообразите себе, – сказала она так высокомерно, что прямо-таки ощутила, как задирается ее нос, – я против.

– Не нравимся, да? – игриво подал голос второй носитель кожана.

– Не нравимся?! – изумился третий – искренне так изумился, что это могло даже растрогать, кабы не крылась в самой этой искренности потаенная издевка.

И у нее даже дрожь по спине прошла, вещая дрожь: это именно то, чего она ждала, именно то, что, как робко надеялось, никогда не случится.

Но вот случилось.

И она снова пожалела, что не усидела нынче вечером дома...

Хотя, с другой стороны, дома всю жизнь не просидишь, да и, со стороны третьей, что им мешало достать ее дома каким-нибудь столь же простым, незамысловатым способом? Ну, слесарю-водопроводчику невесть какому она бы не открыла, наверное, однако какому-нибудь участковому в форме... да нет, можно было придумать массу приемчиков, чтобы к ней подблизиться, не стоит себя упрекать, надо переходить в наступление, чтобы не пришлось переходить к обороне.

– Не нравитесь, – сказала она, опустила руку в карман и медленно ее вынула. – Настолько не нравитесь, что... что я вас убить готова.

И они завороченно уставились на то, что она сжимала в руке. Даже в темноте вороненая сталь слабо отсвечивала – слабо, тускло, но зловеще и угрожающе.

– Да ты чо? – обалдело сказал гнусавый. – Ты это...

– Ты стрелять-то умеешь? – довольно спокойно поинтересовался второй «кожан», и его рука тоже скользнула в карман.

В то же мгновение раздался глухой звук, и из-под ног второго взметнулся фонтанчик пыли.

– Как видите, умею, – кивнула она. – Руки из карманов, а то я могу взять и повыше.

Это был опасный миг. «Кожан» мог выстрелить через карман, хотя вряд ли... зачем дырять одежду? А если бы он выхватил оружие, тут уже пошла бы неистовая пальба на поражение. А ведь можно ручаться, что убивать ее им не нужно, ну какой толк в ее смерти? Нет, им и тем, кто их послал, она нужна живая... если, конечно, она опять-таки не ошибается, если, конечно, это все же не простой и незамысловатый, развинтившийся, слетевший с катушек охлос вульгарис плебсус люмпенус...

Те трое замерли в довольно нелепых позах. Принимать стойку «руки вверх!» команды не прозвучало, а самим этак-то позориться не хотелось, поэтому они замерли на полусогнутых, несколько растопыбив чуть приподнятые руки, словно готовились ловить кур. Роль куры предстояло сыграть ей... однако кура оказалась довольно хищная, этого троица не ждала и пребывала в полной растерянности. Очевидно, столь активный resistance не предусматривался теми, кто их послал, не был, так сказать, заложен в их программу, и теперь они не знали, что делать.

Ну, значит, придется им подсказать.

– Сваливали бы вы отсюда, ребята, – сказала она почти дружелюбно. – Интим, как говорится, не предлагать: нет у меня нынче настроения к близкому, а тем паче – к тесному общению! Может, с другой барышней больше повезет, сговорчивей окажется.

Она ни за что не хотела, чтобы они догадались о ее подозрениях. Тем паче, может, и в самом деле ошибочка вышла, и это обычные искатели незамысловатого дармового трахен-бахена.

В любом случае – ее совет был принят.

– Ладно, – сказал второй «кожан», и она подумала, что именно этот тип у них, пожалуй, главный, а вовсе не болтливый гнусавый. – Гуляй пока.

Пока?.. Это могло значить очень многое, а могло быть простой обмолвкой и не значить ровно ничего.

Она стояла, держа их на прицеле, водя стволом от одного к другому, в любое мгновение готовая выстрелить, однако все происходило вполне корректно: «кожаны» сели в свой внедорожник – в марках автомобилей она не разбиралась совершенно, даже в эмблемах путалась, кроме, конечно, самых общеизвестных, однако все же могла отличить внедорожник от городской модели, – развернулись очень лихо, ну просто-таки на одном колесе (она предусмотрительно отступила за дерево, однако никакой подлянки при развороте не последовало). И в это мгновение в сете фар проехавшего мимо автомобиля она увидела номер машины нападавших. И... и даже горло перехватило, так потрясло ее то, что она увидела...»

«Что же она там могла такое увидеть?! – озадаченно подумала Алена Дмитриева, ставя последнюю точку в многоточии. – Да ладно, какая разница, потом что-нибудь придумаю. И кто такая – эта она, и почему за ней гнались три охломана, даже охлобуя, можно сказать, и откуда у нее вообще взялось разрешение на ношение оружия... или у нее нет разрешения?.. Нет, это все потом. Сейчас главное – отправить файл. Отправить – и собираться на милонгу!»

Если кто еще не знает... а неужели кто-то, знакомый с Аленой Дмитриевой, этого еще не знает?! – ну, предположим, нашелся такой человек, и вот нарочно для него поясняем: милонга – это такая вечеринка, где танцуют только аргентинское танго. Алена была страстной поклонницей... да что там – фанаткой этого танца, занималась им истово и не пропускала ни одной милонги, и не только не пропускала, но даже никогда не опаздывала на них, а это, согласитесь, показатель особого интереса к предмету! По-хорошему, Алене уже пора было бы начинать рыться в ворохе платьев, юбок с разрезами и без, блузочек с люрексом и без, черных колготок – в сеточку и просто ажурных, а также подбирать к платью серьги и туфли (танго-туфли... о, танго-туфли!!! Впрочем, это отдельный разговор!), – так вот, ей уже следовало бы заниматься всеми этими приятностями, однако ее задерживала суровая проза жизни. Издательство «Глобус», которое печатало детективные романы Алены Дмитриевой (а она была, вообразите, писательницей, и под таким именем миллионы, не побоимся этого слова, читателей знали ее, и даже, вообразите, находились среди этих миллионов единицы, которым ее книжки очень нравились!) срочно затребовало для рекламы ее творчества главку из очередной нетленки. К сожалению, нетленка пока еще вызревала в буйном воображении нашей героини, но не вызрела настолько, чтобы облечься словами и быть превращенной в роман. Однако отказывать издательству ведь немислимо! Поэтому Алена немедленно упала за компьютер и быстренько – профессионализм ведь не пропьешь, тем паче, что она вообще практически не

пила, – настукала одиннадцать тысяч знаков, четверть авторского листа: как раз такой объем требовался для рекламы. Теперь осталось только переслать текст по электронной почте.

Алена открыла «Outlook express», составила сообщение своей редактрисе, загрузила файл, кликнула на «Отправить сообщение», однако система почему-то тормозила. Спустя минуту на экране появилась информация об ошибке номер какой-то.

Ну, всякое бывает, Интернет штука настолько загадочная по сути своей, что, пожалуй, более логично удивляться, когда он вообще, в принципе, работает, а потому Алена сначала ничуть не озаботилась и пошла переодеваться-краситься, рассудив, что повторит попытку через пять минут. Она ее повторила и через пять, и через десять, и через пятнадцать... в общем, полчаса, отведенные на сборы, пролетели мелкой пташкой, а сообщение так и застряло в папке «Исходящие» и нипочем не хотело перемещаться в «Отправленные». Нет, что-то тут было не то, раньше «Outlook express» столь надолго никогда не зависал. Неужели что-то случилось в сети? Совершенно машинально Алена потянулась к телефону, сняла трубку... тот молчал.

Конечно, у нее была выделенная линия, то есть такое подключение к Интернету, которое позволяет выходить в сеть, не занимая телефон, однако при неисправностях на телефонной станции Интернет, увы, тоже отключался. Алена схватилась за мобильник – и спустя минуту узнала у своего провайдера, что в ее районе авария на подстанции, обещают исправить в течение суток... завтрашних суток, потому что сегодня выходной.

И в самом деле – сегодня был выходной, воскресенье заканчивалось. Завтра – то есть в понедельник... Но Алена обещала, что текст будет на столе у редакторши в понедельник к моменту ее прихода на работу, то есть к девяти утра.

А если неполадки устранят только к обеду? Или вовсе к вечеру? Звонить по мобильному в издательство и объяснять ситуацию? Но кто поверит в такое нелепое оправдание? Милая дама, которая занималась книжками Алены Дмитриевой, начитавшись криминальных романов сверх меры, воленс-ноленс сделалась несколько недоверчива и, конечно, решит, что писательница просто ничего не написала и этак вот по-детски отворачивается. Сама Алена именно так и решила бы!

Ну, на самом деле в наш век развитых технологий ничего невозможного нет. Существует такая штука, как интернет-кафе. Можно зайти туда по пути на милонгу и отправить сообщение с их компьютера, заплатив какую-то незначительную денежку.

Алена мысленным взором окинула окрестности. Интернет-кафе было в «Этажах», но вместо него теперь какой-то пивной ресторан. Было на Ошарской – закрыли на ремонт. На почтамт ехать неохота, это такой крюк. Стоп... что-то мелькало в переулке сбоку от Белинки, совсем недалеко от дома... точно, вывеска у входа в какой-то подвальныйчик – «Интернет-кафе», а ниже сообщение о том, что заведение работает круглосуточно.

Алена скопировала свое сообщение на флэшку и глянула на часы. Да, сегодня она, к сожалению, изменит своему правилу не опаздывать на милонги, но, конечно, отправка почты задержит ее не более чем на десять-пятнадцать минут, ну никак не более!

Спустя четверть часа она печально подумала, что жизнь ее, увы, так ничему и не научила: ну вот сто раз говорила себе, что никогда нельзя загадывать наперед...

*Из газеты «Пролетарий связи – за социалистическую связь», Профиздат, № 1, 1933 год.
«Связи – большевистские темпы!» – такова задача.*

Выполнить эту задачу можно только путем немедленного и решительного осуществления шести исторических условий тов. Сталина.

Итак:

а) Выходит, таким образом, что нельзя уже рассчитывать больше по-старому на самотек рабочей силы. Чтобы обеспечивать промышленность рабочей силой, надо ее набирать органи-

зованным порядком, надо механизировать труд. Думать, что можно обойтись без механизации при наших темпах работы и масштабах производства, – значит, надеяться на то, что можно вычерпать море ложкой.

б) Выходит, далее, что нельзя больше терпеть текучесть рабочей силы в промышленности. Чтобы избавиться от этого зла, надо организовать зарплату по-новому и сделать состав рабочих на предприятиях более или менее постоянным.

в) Выходит, дальше, что нельзя больше терпеть обезличку в производстве. Чтобы избавиться от этого зла, надо по-новому организовать труд, надо расставить силы таким образом, чтобы каждая группа рабочих отвечала за работу, за станки, за механизмы, за качество работы.

г) Выходит, далее, что невозможно больше по-старому обходиться тем минимумом старых инженерно-технических сил, который мы наследовали от буржуазной России. Чтобы поднять нынешние темпы и масштабы производства, нужно добиться того, чтобы у рабочего класса была своя собственная производственно-техническая интеллигенция.

д) Выходит, дальше, что нельзя по-старому валить в одну кучу всех специалистов и инженерно-технические силы старой школы. Чтобы учесть изменившуюся обстановку, надо изменить нашу политику и проявить максимум заботы в отношении тех специалистов и инженерно-технических сил, которые определенно поворачивают в сторону рабочего класса.

е) Выходит, наконец, что нельзя по-старому оборачиваться на старых источниках накопления. Чтобы обеспечить дальнейшее развертывание промышленности и сельского хозяйства, нужно добиться того, чтобы пустить в дело новые источники накопления, ликвидировать бесхозяйственность, внедрить хозрасчет, снизить себестоимость и поднять внутривыпускное накопление.

Таковы новые условия развития промышленности, требующие новых приемов работы, новых приемов руководства хозяйственным строительством.

(Сталин)

* * *

Тесное, темное (светились только мониторы, озаряя отрешенные от всего земного лица унисекса, запутавшегося во Всемирной паутине) помещение было прокурено до такой степени, что Алена закашлялась уже в дверях. Она просто люто ненавидела такие душгубки. Первым побуждением было двинуть отсюда на главпочтамт, но она просто не успела бы: по воскресеньям там закрывали в семь, а было уже без четверти. Конечно, можно завтра встать пораньше и сбегать на тот же главпочтамт к открытию, но тогда она опоздает на шейпинг, а это еще хуже, чем опоздать на милонгу. Алена не ведала, что в это мгновение судьба давала ей шанс избежать очень крупных неприятностей, однако этот шанс наша героиня упустила. Да ладно, чего дергаться, потерпи минуту, сказала она себе, начисто игнорируя призывы своих взбунтовавшихся бронхов, легких и трахей, а также носоглотки, зато дело будет сделано.

Подошла к утонувшему во мраке прилавку, за которым, по идее, должен был сидеть какой-нито менеджер или как они тут, в интернетских салонах, называются, однако за прилавком было пусто. Алена растерянно оглянулась.

– Anybody home? – позвала она, бог весть почему, по-английски... но молчанье было ей ответом. То ли по-английски здесь никто не понимал, то ли просто неохота было разговаривать.

Алена потопталась на месте... судьба в эту минуту давала ей второй, и последний шанс выйти из салона и вообще из надвигающихся на нее проблем без ущерба, но и этот, второй шанс, был нашей героиней безвозвратно упущен.

– Да тут есть вообще приемщица или приемщик какие-то или нет? – воззвала она возмущенно, и из-за ближнего монитора высунулась голова с какими-то зловещими шишками на месте ушей. Шишки слабенько мигали лиловым светом.

Впрочем, Алена уже многое успела повидать в жизни и сразу поняла, что обладатель сей головы, даром что умеет мигать ушами, не инопланетянин, не космический корабль, обозна-

чающий свое местоположение в стратосфере (а может, и в атмосфере – в космонавигации наша героиня была не сильна), а просто наушники стереофонические надел. Должно быть, музыке сфер внимает. А мигают на них такие штуки, которые называются световыми диодами. Не то чтобы Алена знала, что такое диоды... просто читала, что мигалки называются именно так.

– Вы чего хотели-то? – спросил носитель наушников, слегка сдвинув их назад.

– Сообщение отправить, – ответила наша героиня, пытаясь угадать, приемщик перед ней или приемщица. Оказалось, ни тот, ни другая.

– Да Алка вышла в магазин на минуточку, на ужин чего-нибудь купить, – пояснил доброхот.

– Вот те на, – проворчала Алена. – А скоро ли вернется?

Существо в наушниках пожало плечами, и его бортовые огни почему-то замигали чаще.

– Вот же ужас, – жалобно сказала Алена. – А кроме нее, никто не может отправить? Мне ведь очень срочно надо...

– А большое сообщение-то? – лениво спросило незнакомое существо.

– Чепуха, 43 кб, – с небрежным видом профессионала ответила Алена... да она и была профессионалом, что там скрывать!

– Уже на флэшке или сейчас писать будете? – спросил обладатель наушников, нехотя, медленно, выбираясь из-за стола. Вроде бы особь мужского пола, тощая и довольно длинная.

Бывают же такие добрые люди, растроганно подумала Алена. Вот просто так решил помочь залетной барышне, бросил свои дела, отклеился от липких нитей вышешпоименованной паутины, ну лгут, лгут люди, когда уверяют, будто нынешняя молодежь бездушна и меркантильна!

На вид Ушастому – Алена решила называть его именно так, ведь надо же его как-то называть, – могло быть и семнадцать, и за тридцать – широкие штаны, бесформенная рубаша, черты лица таяли во мраке, примятые дужкой наушников волосы завязаны на затылке в хвост, ноги шаркают, будто ему вообще под восемьдесят... Типичный, короче, представитель.

Алена молча покачала флэшкой, к которой был привязан хорошенький девайс в виде желтенького утенка. Утенок был мини-подобием погремушки, а потому затерявшуюся в недрах Алениной сумки флэшку всегда было легко находить, стоило только сумкой потрясти.

– Кому? – спросил Ушастый, усаживаясь за центральный компьютер.

– Там перед сообщением адрес, – пояснила Алена, с трудом сдерживая улыбку, потому что световые диоды, перемигиваясь, придавали лицу ее собеседника то свирепое, то лукавое, то печальное, то нелепо-смешное выражение, в их мигании нос казался то длинным, то курносим, брови забавно наезжали одна на другую, а глаза принимали просто-таки потусторонний оттенок и тоже как бы светились. Ну просто персонаж канала «ТВ-3» – настоящий мистический!

– С вас сто рублей, – заявил Ушастый, лихо копируя адрес и текст в поля сообщения.

– Сколько?! – изумилась Алена.

– Стольник, – повторил Ушастый.

– Да что ж так дорого-то? Вроде на почтамте пятьдесят было!

– Так и идите на почтамт, – буркнул Ушастый, а лиловое лицо его приняло самое приветливое выражение. – Про финансовый мировой кризис слышали? Думаете, он нас не задел? Знаете, что, к примеру, в нашей металлургии делается? «Магнитка» остановила прокатный стан и перешла на четырехдневную шестичасовую рабочую неделю, «Азовсталь» и комбинат Ильича останавливают производство, Никопольский завод ферросплавов встал, «Северсталь» тоже на грани того... Это что, по-вашему, полная муйня? И почему вы решили, что кризис не коснулся интернет-салонов? Так будете свое сообщение отправлять?

Малый оказался, однако, глубокий эконом!

– Отправляйте, конечно, – кивнула Алена, рассудив, что такая сумма ее никак не разорит, зато дело будет сделано, и открыла кошелек. Вот те на... а ведь не факт, что не разорит! В кошельке всего двести десять рублей бумажками и рубль. Забыла деньги положить! Сто за сообщение, сто за вход на милонгу, одиннадцать за маршрутку в одну сторону, а обратно Алена все равно всегда идет пешком, чтобы прогуляться... ладно, нормально, бюджет выдерживает! И она положила требуемую денежку на высокий прилавок, ограждавший стол с компьютером, а взамен получила свою флэшку.

– Готово, – лениво проронил Ушастый, выбираясь из-за прилавка. – Сообщение ушло.

Алена уже слишком давно общалась с Интернетом, чтобы не позволять себе наивных восклицаний вроде: «Уже, так быстро?!» – поэтому она просто забрала своего брэнчливого утеночка, сказала спасибо и вышла из салона.

Холодный ноябрьский воздух показался особенно чистым и свежим после той никотиновой смеси, которой приходилось дышать в подвальчике, поэтому Алена настолько им опьянилась, что у нее даже голова закружилась. Она замедлила шаги и вовсе приостановилась на минуточку, а потому обратила внимание на черноволосую худосочную девицу в блескущей курточке и кожаных штанцах, которая расхлябанной походкой приближалась к салону, держа на отлете прозрачный пластиковый пакет. В пакете просматривались жестяные пивные банки и какие-то свертки. Очень может быть, это была та самая Алка, которая отправилась прикупить продукты на ужин. Может, спросить ее, а в самом ли деле отправка сообщений стоит так дорого? И отдаст ли Ушастый Алке стольник? Запросто может в карман положить. Ведь отправленное сообщение можно стереть, и никто никогда не узнает о маленьком тайном бизнесе...

Да и на здоровье, с другой-то стороны! Сидела бы Алка на своем рабочем месте – денежка бы ей досталась. Поэтому Алена отправилась своим путем, и очень скоро и Алка, и Ушастый, и сообщение, и даже издательство «Глобус» улетучились из ее мыслей, а воцарилось в них целиком и полностью аргентинское танго.

С тех пор, как однажды в Париже наша героиня случайно потанцевала милонгу – танец, потом попала на милонгу – на вечеринку, где танцуют только аргентинское танго (эти омонимы поначалу надолго стопорят тех, кто только начинает танговать... такое слово в самом деле есть, честное слово... ну, еще иногда говорят – «танговать»), – а потом оказалась в студии мадам Мартин, в совершенно волшебном шато (ну, само собой, замешавшись заодно, по своему обыкновению, в очередную криминальную разборку¹), она совершенно ошалела от этого красивейшего в мире танца и отдавала ему все свое свободное время, порой просто-таки крадя его у работы и личной жизни. К несчастью, ни один из ее нежных приятелей не танговал, а поэтому не мог разделить танцевального пыла Алены, и она все чаще думала, что, конечно, полной гармонии в этом мире достичь невозможно. Партнеры для личной жизни у нее были на выбор, а вот партнеры для танго, увы... Но тем не менее Алена посещала все милонги, которые проводились в Нижнем, не пропускала ни одного урока в студии «Атанго», а при малейшей возможности ездила в Москву на танговские фестивали ну и, само собой, на московские милонги. Что характерно, на прошлое Рождество она умудрилась отыскать во время одной такой милонги виновника целой серии кровавых убийств... которые на самом деле убийствами не были! – и все это в перерывах между несколькими танго!²

У милонг «Атанго» был только один недостаток: они слишком быстро заканчивались. Нет, в самом деле, ну что такое – четыре часа аргентинского танго?! Да это просто миг, прекрасный миг! Раз – и нет его... Даже и не постигаешь, отчего так ноги разболелись? Четыре

¹ Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «На все четыре стороны», издательство «Эксмо».

² Об этом можно прочесть в рассказе Елены Арсеньевой «Рождественское танго», сборник «Детектив под Рождество», издательство «Эксмо».

часа провести на двенадцатисантиметровых каблуках, это само по себе не так уж просто, а уж если большую часть этого времени не просто так за столиком сидишь, свои хорошенькие ножки привольно вытянув, а на этих самых ножках почти непрерывно совершаешь некие пируэты, то, конечно, скидываешь свои туфельки фирмы «Neotango» с долей тайного облегчения.

Алена в этом смысле была дама опытная, поэтому она давно оставила такие глупости, как приходить на милонги в фасонных сапожках. Надела удобнейшие ботиночки на низком каблуке, натянула поверх сетчатых колготок джинсы, свернула юбку с невероятным разрезом и убрала в сумку вместе с баснословными танго-туфельками стоимостью в четверть ее гонорара за романчик, надела свитер, куртку, обмоталась шарфом и вышла в темную ноябрьскую ночь – звездную и довольно теплую.

Однако стоило вывернуть на Рождественскую, ветер хлестанул в лицо с такой силой, что Алена попятилась душевно и физически. Ветер выбивал слезы из глаз, и она ужасно пожалела, что ресницы покрашены. Приходилось то и дело осторожно промокать уголки глаз бумажным платочком, чтобы не потекла тушь, однако то ли платочек оказался не столь уж мягок, то ли ветер усиливался, то ли еще что, но глаза слезились все сильнее. Ладони замерзли, она сунула их в карманы и пожалела, что забыла перчатки. А руки снова и снова приходилось вынимать из кармана, чтобы доставать платок и вытирать слезы, которые текли все сильнее, и пальцы вообще заоченели... Не сразу до нее дошло, что глаза так сильно слезятся не столько от ветра, сколько от того, что этот дурацкий бумажный платочек был пропитан ментолом, и она пожалела о своем пристрастии к ароматизированным одноразовым платочкам.

Дальше идти навстречу ветру не хотелось. Поворачивать на Нижне-Волжскую набережную, где находилась остановка маршрутки, хотелось еще меньше: в эту пору – поздним воскресным вечером – транспорт ходил просто из рук вон, а там ветрище от Волги такой, что в два счета прохватит. Разве что такси взять?

Ага, с пустым-то кошельком...

Вдали прокурлыкала милицейская сирена. Алена поежилась – исстари, еще когда на Рождественской находилось воспетое Горьким «дно», местечко считалось, по-нонешнему говоря, криминальным. «Дно» сие не раз пытался протралить частым неводом предок нашей героини, Георгий Владимирович Смольников, начальник сыскной полиции Нижнего во времена достопамятные, да так и не дотралил, что и стало причиной его трагической гибели.³

Хорошо, что она живет в районе, который считается тихим, мирным и спокойным. С другой стороны, не с ее кошельком – пустым, как уже было сказано! – бояться грабежа.

На всякий случай Алена проверила карманы куртки, не заваялся ли там, скажем, стельник-другой? Такое с ней, по причине супер-гипер-рассеянности, порою случалось, и можно вообразить, каким приятным сюрпризом являлась нечаянно обнаруженная денежка. Вот и сейчас повезло – правда, в значительно меньшей степени, чем хотелось бы. В кармане оказалось всего-навсего восемь рублей. Даже на маршрутке не подъедешь, а холодно-то как!

И в это мгновение сзади раздался трезвон трамвая.

Трамвай! Ура! Доехать до Черного пруда, а там десять минут до дома. Вдобавок, поездка на трамвае стоит как раз восемь рублей! Все-таки Нижний – это, к счастью, совсем даже не Москва. Хотя, с другой стороны, в Москве десятки танго-студий, там милонги каждый день, а не только по воскресеньям, да и то не по каждым...

Короче, есть, есть тут свои плюсы и минусы.

Однако пока станешь их считать, трамвай уйдет. Алена припустила со всех ног и вскочила в последнюю дверь последнего вагона чуть ли не за мгновение до того, как трамвай тронулся, и сразу плюхнулась на свободное сиденье.

³ Об этом можно прочесть в романах Елены Арсеньевой «Сыщица начала века», «Последнее лето» и «Осень на краю», издательство «Эксмо».

Повезло! И как приятно посидеть после четырех часов тангования, куда приятней, чем топтать вверх по Зеленскому съезду, а потом еще невесть сколько по Ошаре и прочим улицам домой. Вот здорово, уже и подогрев включили, о, как приятно тому местечку, на коем сидишь...

Она отдала деньги кондукторше и с улыбкой поглядела на свое отражение в темном стекле. Очень привлекательное отражение, надо сказать... видимо, и оригинал таков же, иначе отчего же сегодня все лучшие партнеры «Атанго» и «Аргентины», второй нижегородской танго-студии, так и приклеились к Алене Дмитриевой, и даже Елена, руководительница «Атанго», обычно такая снисходительно-высокомерная и любезно-язвительная, сегодня вся рассиялась улыбками и даже отвесила Алене парочку комплиментов. С другой стороны, на личную привлекательность Алены Дмитриевой занудной Елене уж точно наплевать, для нее главное – правильная скрутка корпуса, техника шага, молинете и очос, у нее даже поговорка есть: «Делай очос – и все пройдет!»

Ах, ну почему, почему жизнь так несправедлива, почему у техничной и привлекательной Алены нет постоянного партнера для танго? Вот если бы Игорь... говорят, он тоже увлекается аргентинским танго, однако Алена его ни разу не видела на милонгах, да и слава богу, не приведи господь... а он, конечно, танцевал бы, как бог Шива... бог Шива и аргентинское танго – ну что за нелепое сочетание, вообще такая чушь лезет в голову, стоит лишь подумать об этом молодом человеке, из-за которого Алена в свое время претерпела столько страданий, что все осколки своего разбитого сердца ей до сих пор подобрать не удалось.⁴

Нет, не дай бог его снова увидеть. Пусть будет только танго, танго без Игоря. Такая свобода в этих изысканных движениях. А музыка? Эта музыка сводит с ума и мешает жить. Натурально мешает! Алена привыкла писать под музыку, фактически слыша не ее, а лишь отдельные ноты, но не слышать музыку танго невозможно, а под нее забываешься просто клинически, в том смысле, что и о романах, которые надо в срок сдавать, забываешь, сидишь и слушаешь, слушаешь эту невероятную красоту...

Стоп, дорогие товарищи. А куда это следует трамвай? Черный пруд в пяти минутах, а Алена уже добрые четверть часа куда-то едет, забыв о времени... ну да, так всегда и происходит, стоит только подумать о танго, даже не слыша музыки, даже не танцуя.

– Это какой номер-то? – спросила она у кондукторши.

– Двадцать седьмой. Что ж не смотрите, куда садитесь? – проворчала та. – И сзади номер, и спереди, и сбоку...

Алена покаянно кивнула. На номер она не посмотрела, решила, что, как раньше, по Рождественской идет только «единица». А двадцать седьмой завезет ее аж к Среднему рынку, а потом повернет, увы, не на Белинку, как было, опять-таки, раньше, а направится в объезд через Бекетова. Больно надо – семь верст киселя хлебать. Нет, Алена выйдет на Средном и сядет на «двойку», которая довезет ее до Оперного театра, а там до дому всего ничего. Нет, на «двойку» она не сядет – денег-то нет! Ладно, пройдетя пешком через парк Пушкина. Там не так ветрено, среди деревьев, зато слышно, как стучат друг о дружку голые ветки. Почему-то наша неромантическая героиня очень любила такие романтические звуки природы.

Итак, трамвай допилит до Среднего рынка и двинул себе окольными путями на Бекетовку, а Алена миновала телецентр и вошла в парк.

Все было так, как ей хотелось: ветер метался среди деревьев, голые ветки стучали друг о дружку, клочья белесых облаков цеплялись за вершины, белая почти полная луна висела на холодном северо-востоке...

А в парке царил почти полная тьма.

⁴ Эти истории рассказаны в романах «Крутой мэн и железная леди», «Час игривых бесов» и «Разбитое сердце июля», издательство «Эксмо».

Почему-то половина фонарей не горела, а летние кафешки уже закрылись, да и ресторан «Онегин» (ну да, он вот так назывался, в несоблюдение всех правил орфографии, как нынешних, так и минувших), неделю назад опечатанный за несоблюдение каких-то там норм, не то санитарных, не то эпидемиологических, не то всех вместе, погасил свою вывеску. Было, честно говоря, неуютно и тревожно. Алена подумала-подумала – и выбралась на обходную дорогу. И тут-то ветер опять взялся за нее – этак радостно, вернее, злорадно. Бил в лицо, и слезы уже лились вовсю, наверняка тушь потекла. Алена упрямо наклонилась и пошла как можно быстрее. Ничего, каких-то четыре квартала – и она дома. Правда, кварталы эти ужас какие длиннющие!

Вдруг сзади ударил свет фар, потом приблизился рокот мотора, затем он стих и чей-то голос окликнул:

– Девушка, что такая грустная идешь? Может, подвезти?

– Спасибо, не нужно, – ответила Алена, не оборачиваясь и не вдаваясь в подробности, что идет она вовсе не грустная, а замерзшая.

Закон природы, проверенный эмпирическим путем неоднократно: если женщина идет одна, то каждые пять минут около нее непременно притормаживает один-два автомобиля. Кто-то просто молча, искательно поглядит через окно, кто-то предложит подвезти, кто-то откровенно выскажется, что именно ему нужно от этой одинокой женщины. Самое странное, что все почему-то обращаются на «ты».

Этот человек, сидевший в автомобиле, не был исключением. Только, в отличие от других, получивших отказ, он оказался еще и неотвязным.

– Ну давай, поехали с нами, – не отставал голос, с каждым словом, с каждым мгновением казавшийся Алене все более гнусавым и неприятным. – Ну чо ты, а? Не пожалеешь! Скока ты хошь? Ну, чо молчишь, слышь?

Этот провинциальный говор, этот лингвистический охлос были для нашей писательницы похлеще ударов кнутом, она аж передернулась, даже не скрывая отвращения, и это, кажется, не осталось незамеченным.

– Ну чо морду воротишь, чо не нравится?

Голос раздался совсем рядом, и до Алены дошло, что машина остановилась и преследователь догнал ее. Через мгновение он уже схватил ее за плечо и резко развернул к себе:

– Гюльчатай, ну открой, блин, личико!

И почему она решила, что преследователь один?..

Рядом стояли трое, бледнели пятна лиц над квадратными кожаными плечами.

– Что вам от меня нужно? – неприветливо спросила Алена, мысленно обшаривая сумку и прикидывая, чего есть шанс лишиться, если это и в самом деле вульгарные грабители. Мобильный забыт дома – и, такое ощущение, что очень удачно забыт, денег с собой, как известно, нет вообще, документы и пластиковая карточка остались в другой сумке, вот только танго-туфли... самое драгоценное ее на сей момент достояние. Танго-туфли на двенадцатисантиметровой шпильке – сомнительной ценности добыча для грабителей! Может, и не тронут. Осталась только девичья, в смысле, давно уже не девичья честь... Конечно, Алена была не против случайного секса, но групповуху отрицала как таковую, хотя однажды чуть не стала ее жертвой... желающие покуситься на нашу героиню потом долго зализывали раны, как душевные, так и физические!⁵

Поэтому за означенную честь она будет сражаться до последнего.

Или она преувеличивает опасность?..

– Что вам от меня нужно?

⁵ Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Академия оболыщения», издательство «Эксмо».

– Да ничо, – пожал плечами гнусавый. – Ничо такого, ты чо? Потрахатцо маленько. Ты как? Не против?

О господи, какие пошлости... как все это тривиально, такое ощущение, что читаешь чей-то далеко не самый лучший детектив. Неужели в самом деле остались в мире вот такие простые, как трехрублевка советского образца, робята?!

– Вообразите себе, – сказала Алена так высокомерно, что прямо-таки ощутила, как задирается ее нос, – я против.

– Не нравимся, да? – игриво подал голос второй носитель кожан.

– Не нравимся?! – изумился третий – искренне так изумился, что это даже могло растрогать, кабы не крылась в этой искренности потаенная издевка.

Эх, понес же черт ее через парк, ну сложно, что ли, было пойти по Белинке и добраться до дома без приключений?!

– Не нравиться, – сказала она, опустив руку в карман. Вдруг подумают, что у нее там какое-нибудь оружие? К примеру, газовый пистолет. На самом деле он дома... почему дома-то, а не с собой?! Дома его применять – себе дороже, однажды Алена имела возможность в этом убедиться.⁶

А впрочем, на таком сквозняке толку от газового пистолета – чуть, если только в самые рыла этих хамов стрелять. Но настолько близко их подпускать к себе нельзя. Нет, лучше пусть подумают, что у нее там настоящий пистолет!

Не-е, не подумают... не похожа она на тех, кто в кармане куртки боевое оружие носит. Ладно, пусть подумают, что у нее там мобильный телефон, а на нем – так называемая «тревожная кнопка».

Да пусть что угодно думают, только бы отцепились.

– Нет, не нравиться.

Голос прозвучал достаточно спокойно, и это радовало. Ну да, по голосу и не догадаешься, что она все же испугалась, а оружия-то – две двенадцатисантиметровые «шпильки»... Вот была бы она японским ниндзя, наверное, запросто могла бы сразить этими «шпильками» даже не троих, а пятерых нападающих. Но она не японский ниндзя, чего нет, того нет, к тому же туфли в сумке, сумка перекинута за спину... удастся ли выхватить их оттуда? Наверное, если скажут – отдавай кошелек, она полезет как будто за кошельком, а сама...

Да ну, чепуха, она не японский ниндзя, как уже было сказано. И нервишки нужны покрепче, чем у нее, чтобы воткнуть в человечка острую и вполне, между прочим, убойную «шпильку». Эх, легко было Блоку писать: «Так вонзай же, мой ангел вчерашний, в сердце острый французский каблук!» А попробовал бы!..

– Ну и что ты там в кармане шарисься? – откровенно ухмыльнулся кожан. – Или достанешь сейчас пистолетик и будешь пулять нам под ноги, предупреждая, что можешь и повыше? Нет у тебя никакого пистолетика, правда? Дома забыла? Ну как же ты так оплошала сегодня? Не повезло тебе, а нам вот повезло. Поэтому...

Он не договорил, потому что фары автомобиля вспыхнули вдруг необычайно ярко, ослепили Алену, заставили ее отвернуться, прикрыть лицо локтем. И тотчас они погасли – стало очень темно.

– Поехали, ребята, – буднично произнес второй «кожан», и она подумала, что именно этот тип у них, пожалуй, главный, а вовсе не болтливый гнусавый.

– Что? – разочарованно протянул гнусавый. – Да мы еще и не начали!

– Поехали, говорю! – В голосе второго звучало раздражение. – Нечего тут ловить. Нет у нее ничего.

⁶ Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «В пылу любовного угара», издательство «Эксмо».

– Ну, как скажешь... – проворчал гнусавый. Третий негромко выругался, но тоже не стал спорить.

Заработал мотор, глуша шаги. Захлопали дверцы. Автомобиль развернулся, чудом не задев Алену, которая была так ошарашена, что даже не посторонилась. Ее могли сбить, но объехали... Она тупо смотрела вслед их внедорожнику – в марках автомобилей она не разбиралась совершенно, даже в эмблемах путалась, кроме, конечно, самых общеизвестных, однако все же могла отличить внедорожник от городской модели. И в это мгновение какой-то другой автомобиль обогнал внедорожник, и в блеске его фар Алена мельком увидела номер машины нападавших. Станный какой-то... что-то в нем было не то...

– С вами все в порядке? – раздался взволнованный голос, и Алена резко обернулась, но перед глазами так и поплыло, она покачнулась и, наверное, упала бы, если бы ее не подхватила чья-то рука.

Обернулась – женщина, высокая, как она, в темной куртке, брюках, волосы растрепаны ветром. Лицо плохо видно в темноте, но вроде примерно одних с Аленой лет.

– Вас какие-то хулиганы напугали, да? Я часто выхожу в позднее время – мама у меня уже очень немолодая, прибалывает, она вон в тех домах живет, – женщина махнула рукой на светящиеся квадратики окон чуть поодаль, через дорогу и наискосок, – возвращаюсь от нее, ну и правда, место какое-то неприятное. Муж когда проводит, когда нет, но он часто на работе допоздна, в одиночку тут страха натерпишься.

– Да уж, – пробормотала Алена, с трудом возвращаясь к жизни, – вот уроды моральные! Понятно, что ничего плохого они не хотели, просто попугать решили, а ведь я и правда напугалась!

– Конечно! – сочувственно сказала женщина. – Кто угодно напугался бы. Ну как, дойдете сами? Может, вас проводить?

– Нормально, я уже вполне оклемалась, дойду, тут рядом фактически. Ничего, все будет в порядке. Бомбы дважды в одну воронку... и так далее. Спасибо за сочувствие, вы сами будьте осторожней, если тут часто ходите. До свиданья, спасибо еще раз.

– Да не за что.

Алена шагнула было вперед, но тут же приостановилась:

– Ой, извините, а вы не заметили марку и номер машины?

– Нет, – с сожалением в голосе отозвалась женщина, – я близорукая, номер мне не разглядеть на таком расстоянии, да и не столько на автомобиль я смотрела, сколько на вас. Вроде внедорожник какой-то, а «ровер», «круизер» или что-то еще – это для меня слишком сложно.

– Для меня тоже, – слабо усмехнулась Алена, снова сказала «до свиданья» и пошла своей дорогой.

Вообще-то очень хотелось схватить первую попавшуюся машинку и доехать до дома как можно скорей. В конце концов, водитель ведь может подождать, пока она сбегает за деньгами. Останавливало только опасение нарваться на очередного ловца приключений. Нет, спасибо большое, на сегодня с нее хватит, точно хватит! Поэтому она пошла пешком – быстро, но все же в униженный бег не ударилась. Гордыня, драконская гордыня... по восточному гороскопу наша героиня была Драконом и иногда та-а-ак начинала пальцы гнуть перед судьбой... Жизнь прожила с ощущением, что на нее кто-то придиристо и насмешливо поглядывает со стороны, и перед этим «кем-то» ни за что нельзя ударить в грязь лицом. Ну и самоуважение тешится, а как же, не последняя в жизни вещь!

Правда, сейчас она меньше всего думала о самоуважении. Страх еще водил влажной, студеной лапой по ее спине, поэтому сказать, что Алена вздохнула с облегчением, оказавшись наконец дома, это значит вообще совершенно ничего не сказать, это значит промолчать и даже заткнуть себе рот.

Из воспоминаний Тони Шаманиной (если бы они были написаны, эти воспоминания...)

Я очень многое помню из детства. Многое забыла. Но многое помню. Когда после ранения память ко мне начала возвращаться, я первым делом вспоминала не нашу роту, не бои, не полевой госпиталь, не тот снаряд, разорвавшийся в метре от воронки, где я пряталась, и чуть меня не убивший, – а детство. Детством я называю все, что было до ареста отца. И хоть к тому дню, когда его забрали, мне уже исполнилось 15, а это вроде бы считается юностью, на самом деле это все-таки было детство – счастливое и беззаботное. Потом я сразу стала взрослой, а тогда была маленькой, балованной дочкой, такой куколкой тряпичной...

Ну так вот, в госпитале, в моей палате, были две москвички. Они лежали на двух соседних со мной койках и все время болтали о Москве. Я не могла ни рукой, ни ногой шевельнуть, у меня была забинтована вся голова, глаза тоже, потому что их взрывом обожгло, я ничего не видела и мир воспринимала только через слух. Сначала слышала лишь неразличимые звуки, потом эти звуки как-то сами собой начали связываться в слова, а затем и в предложения. И я начала улавливать смысл фраз. Одни слова что-то значили, другие – нет. Ночами я не могла спать от страха перед этими бессмысленными словами. Иногда я не понимала самого простого. Что такое, например, водопроводный кран? Наверное, это может показаться смешным, но я не могла вспомнить. Лежала и мучилась от ужаса, что у меня отшибло мозги. Что это такое, я тоже не понимала толком, но помню, как однажды санитарка Фая сказала, подсовывая под меня судно:

– Вот бедняжка, лежит, как колода, неужели так всю жизнь пролежит? Беда девке, отшибло мозги...

Меня это должно было напугать, наверное, но не напугало, я почему-то чувствовала, что здоровое тело (а оно ведь было здоровое, молодое, сильное, только раненое) все исправит, свое возьмет, раны заживут, я снова смогу ходить и владеть руками, а вот с мозгами-то что будет?!

Иногда у нас в палате включали радио. Я ненавидела эти минуты. Я спокойно слушала сводки Совинформбюро, мало что в них понимая. Наши войска перешли в наступление... наши войска оставили... бой местного значения... Для меня в том моем состоянии это ничего не значило. Я просто слушала звуки. Размеренный человеческий голос мне не мешал. Но музыка... особенно одна мелодия, она почему-то очень часто звучала.

– Ах, как красиво, – однажды сказал кто-то рядом. В том состоянии непонимания, в каком я тогда находилась, мне казалось, что «красиво» – это то, что причиняет боль и разрывает душу. Так, как эта музыка, эта мелодия, эти слова:

В сиянье ночи лунной
Ее я увидел,
И арфой многострунной
Чудный голос мне звучал.
О ночь мечты волшебной,
Восторги без конца,
О где же ты, мечта,
Где ты, греза,
И счастье?..

Мало того, что этот голос разрывал мне сердце. Он еще как-то странно замедлялся при последних словах, и я чувствовала, как с каждым звуком, с каждым замиранием мелодии из меня по капле, будто кровь, уходит жизнь.

У меня не было сил сказать что-нибудь, я могла только стонать, и санитарка одна – была у нас там такая Матрена, ужас, вот и правда что Матрена! – говорила:

– Ой, девка-то наша поет!

И хохотала.

У меня под повязкой копились слезы и разъедали мои обожженные глаза. Я не пела – я кричала от невыносимой боли!

Одному богу ведомо, как я ненавидела эту музыку, этот голос, эти слова... Пытка моя называлась – «Ария Надира» из оперы Бизе «Искатели жемчуга», а палач носил имя Леонида Собинова.

Потом, когда я все вспомнила о себе, я уже не удивлялась тому страданию, которое испытывала при звуках этой мелодии. Но странно и даже как-то обидно, что память мне вернула не она, а слово, причем очень трудное слово.

Одна москвичка – ее звали Маша, это я потом узнала, – однажды о чем-то говорила, я слушала, пыталась уцепиться за смысл непонятных сочетаний звуков, и вдруг меня как ударило словом «архитектор». Она сказала, что до войны работала в проектной мастерской у одного известного архитектора, который строил Дом коммуны в Замоскворечье.

Архитектор! Я вспомнила! Мой отец часто говорил это слово! Потому что мой отец был инженер-строитель!

И я словно бы увидела перед собой лицо отца, потом мамы, потом будто услышала их разговор – давний, я тогда вообще девчонка была. Я вспомнила, как папа рассказывал: пришло, мол, сверху указание в их проектную мастерскую – построить на Лыковой Дамбе Дом коммуны. Такой же, как в Соцгороде на Автозаводе построили, и на площади Революции перед Московским вокзалом. Теперь нужно строить на Лыковой Дамбе. Проект московского архитектора и утвержден в Москве, им осталось сделать рабочие чертежи.

Мама сказала:

– Коленька, но как же... Там ведь очень много народу... Как они уживутся все? Мы в квартире на три семьи живем, и то... в туалет иногда не попадешь, в ванную, да и стираем мы по очереди, и на кухне тесно. А в таком доме, это что же?! Это общежитие, а не дом, там же целые семьи жить должны, как же...

Мама всегда говорила так – очень осторожно, как будто боялась кого-то обидеть. Ее любимая поговорка была: «Словом убить можно». Я тогда не понимала, что это значит, мне ведь было лет десять всего. Потом-то поняла...

Папа начал рассказывать, мол, личная жизнь людей в домах-коммунах должна раствориться в общественной. Все свободное время жильцы будут проводить вместе: заниматься самообразованием, политическим просвещением, художественной самодеятельностью, физкультурой. Для этого в домах-коммунах устроены библиотеки, красные уголки, спортивные залы. Дома-коммуны также должны освободить женщину от домашнего рабства. Поэтому при них имеются детские сады и ясли, а также прачечные, парикмахерские, различные мастерские. Жильцы будут питаться в общих столовых, значит, кухни в квартирах не нужны, и около керосинок тесниться не придется, не нужно покупать продукты и готовить еду.

– Коленька, – так же осторожно сказала мама, – но как же... человеку же хочется жить по-своему, а не у всех на виду... Ты думаешь, в этих домах кто-то захочет поселиться? А как же... ну, личная жизнь?

Отец усмехнулся:

– То есть как кто в них захочет поселиться? Да ордера будут выдавать, как награды! Переселенцам, ударникам, лучшим комсомольцам и проверенным членам партии. Ты что, думаешь, они в своих бараках в отдельных квартирах живут? Не представляешь, какая там жуть. Уборная во дворе, да еще одна на несколько бараков, это тебе как? А баня – общая – в двух кварталах от дома. И работает три дня в неделю, и вода там не всегда есть, а то и банщик запьет. Кухня на пятнадцать хозяек... Ниночка, пора бы тебе хоть немножко по земле походить, сколько можно в облаках витать?! Мне кажется, Тонька гораздо более трезво на жизнь смотрит, чем ты.

– Наверное, – грустно ответила мама. – Я ведь не ходила в трудовую советскую школу.

«Бедная мамочка, – подумала я. – У нее старорежимное воспитание. Такая скукота – учиться дома! Да еще где – в Горбатове! В этом унылом бабушкином доме с маленькими окошками и голубыми ставнями. На окошках стоят бальзамины и висят ситцевые занавески, обвязанные кружавчиками. Ужасное мещанство. Бабушка сама вяжет эти кружавчики тоненьким-претоненьким крючком. А нитки выменивает на базаре на картошку. Такие тонкие небось не спрядешь. Бабушка еще и прядет, не только вяжет, ужас! Как при старом режиме. Она и мне предложила связать такой воротничок. Конечно, я отказалась! В школе засмеют. Скажут – купчиха, купчиха! Если я расскажу, что у бабушки на окошках бальзамины стоят, меня начнут звать „Женитьба Бальзаминова“. Это в нашей школе старшеклассники недавно ставили отрывки из драматических произведений, осуждающих старый купеческий быт, ну, я многое запомнила. Пионерка – и бальзамины! И кружевной воротничок!»

А между прочим, мама надевала на свое синее платье кружевные воротнички. И косу не стригла. Когда она собирала в портфель свои книжки и тетрадки и собиралась на работу – она раз в неделю читала лекции по истории костюма в художественном училище, – я боялась, что начальство ее будет ругать. Я помнила, как наш директор отругал учительницу математики Веру Климовну за то, что она пришла на урок в шелковой блузке: «Что за барство вы тут развели?!» С тех пор Вера Климовна ходила только в черной ситцевой кофточке в белый горошек. У нас почему-то половина учительниц ходила в таких черных кофточках в белый горошек, иногда мы их даже путали.

И вот когда я вспомнила мамин кружевной воротничок, я вспомнила все. Кто я, и кто мои родители были, и как мы жили, и Горький, Горбатов, и самые разные мелочи, и номер нашей квартиры, и ступеньки, и «Искателей жемчуга», и запах льняного масла, и шуршанье мастихина по холсту, и одуванчики у крыльца, и как я стояла рядом с папой, когда он рисовал, и как мы спорили о цвете... И вместе со всеми этими воспоминаниями о нашей счастливой, прекрасной жизни ко мне жизнь тоже начала возвращаться. Я только не вспоминала, что с нашей семьей случилось, и Ленку Вахрушину не вспоминала, и Илью Егоровича, и... ну, в общем, ничто плохое мне не вспоминалось. Может быть, поэтому и выжила.

* * *

Дома Алена первым делом кинулась к телефону и набрала 02. Эх, не был бы мобильник забыт, позвонила бы в милицию еще с улицы! А впрочем, с «Нокии» короткие номера не набираются, то есть набираются, но только через какую-то там хитрость, которую она не способна была запомнить. Но ничего, ничего, вот сейчас...

Ну да, конечно, сейчас! Вот разбежались там решать твои проблемы!

– Ну, девушка, успокойтесь, – приветливо проговорил усталый женский голос. – Ничего же не случилось. Это всего лишь незначительное хулиганство. Вас просто поугаждать хотели. Все обошлось. У нас сейчас все бригады в разъезде – там ограбление, там убийство, там самоубийство, там попытка поджога. Вы не представляете, что творится в городе. А тут... Знаете, вот если бы, не дай бог, избili вас или изнасиловали... но ничего же не было такого, верно?

– Верно, – уныло согласилась Алена. – А если бы меня от страха удар хватил?

– Но ведь не хватил же, – резонно заметила дежурная, и голос ее был так ласков, что парализовал волю Алены. Теперь и нашей героине – а она вообще очень легко поддавалась разумному убеждению, – казалось, что совершенно ничего страшного не произошло. Есть ли вообще из-за чего дергаться-то?! Жива, в целостности, так сказать, и в сохранности...

А впрочем, ну хоть какие-то меры должны быть приняты, наверное! Черт, неужто придется трести связями?

Связи в антикриминальном мире у Алены Дмитриевой имелись очень даже немалые. Собственно, связь была одна, но она стоила десятка других, потому что звалась она (в смысле, связь звалась) Львом Ивановичем Муравьевым и являлась (вернее, он, Муравьев, являлся) начальником следственного отдела городского УВД. Не слабая такая связь! Конечно, стоит

назвать Муравьева, на том конце провода все на уши встанут, только вопрос: а тот ли это случай, чтобы светлое имя Льва Ивановича все поминать?

И тут дежурная, словно обладала некими телепатическими способностями и могла проникнуть в мысли Алены Дмитриевой, внезапно решила проявить интерес к ситуации:

– Ну ладно, какой марки была машина?

– Какой-то внедорожник, я не очень в этом разбираюсь, – обрадовалась такой перемене курса Алена. – Цвет вроде черный, а может, темно-синий, темный такой, короче говоря. Зато я запомнила номер!

– Номер запомнили? – изумилась дежурная. – Замечательно! Говорите, записываю!

– Только знаете, – сказала Алена нерешительно, – этот номер был какой-то странный...
ГК 01–11.

– Что? – переспросила дежурная. – Но что ж это за номер такой?

– Да я в номерных знаках тоже не бог весть как понимаю, – стыдливо призналась наша героиня. – А дощечка была тоже такая черная...

– Какая дощечка? – построжавшим голосом перебила дежурная.

– Ну, в смысле, табличка, – испуганно поправилась Алена, – ну, в смысле, сам номерной знак. Он был черный, а на нем белыми буквами и цифрами написано: «ГК 01–11».

– И все? – растерянно уточнила дежурная.

– Ну да.

– Черная, значит, до-щеч-ка, – дежурная голосом выделила это слово, – а на ней белым написано: «ГК 01–11»?!

– Ну да, я же говорю.

– Знаете что, девушка, – обиженно сказала дежурная, – делать вам нечего, такое впечатление, вот вы и шутите шутки. А у нас, пока я тут с вами болтаю, звонки по всем линиям. Нехорошо это! Стыдно!

И в трубке раздались гудки.

Мгновение Алена стояла, мысленно перебирая различные буквы алфавита и тасуя их в самом неожиданном порядке, в результате чего складывались очень занятные словесные фиоритуры, как пребывающие в широком употреблении, так и более изощренные и даже, не побоимся этого слова, элитарные. Несколько отведя душу, она прибегнула к столь же действенному успокоительному средству: налила полстакана мартини и упала в кресло. Поскольку наша героиня пить абсолютно не привыкла, после первого же глотка негативы окружающего мира начали размываться и тускнеть, а после второго она обрела способность не только колотиться от злости и от страха, но и связно мыслить.

Что ж это за номер такой, услышав который, дежурная просто-таки очень сильно обиделась? Он и в самом деле странный. Странный своим лаконизмом. Лапидарностью, так сказать. Вроде бы в обычных номерах гораздо больше и букв, и цифр.

Какая пошлая, насквозь пошлейшая история! Как же они выглядят-то, автомобильные номера?.. Алена напрягла память. Вроде бы сначала идет какая-то буква, потом три цифры, потом еще две какие-то буквы. Потом отдельно еще какой-то номер и буквы rus. И под ними маленький такой российский триколорчик. И все это на белом фоне! Вот именно: буквы черные, а фон белый. Номер очень яркий, его легко разглядеть даже в темноте. А номер автомобиля хулиганов Алена заметила только потому, что его на миг высветила обгонявшая внедорожник машина. Иначе номер был бы неразличим. И эти буквы – ГК... Когда-то – и довольно долгое время, аж 58 лет, с 1932 года по 1990-й! – Нижний Новгород назывался Горьким. Переименовали его в честь понятное дело кого. Потом прежнее название вернулось, однако шутики частенько называли город Нижним Горьким. Так сказать, и нашим, и вашим. Так вот, когда он был просто Горьким, в регистрационных номерах автомобилей наверняка была буква Г. То есть стопроцентно!

А, ну понятно. Поскольку явление внедорожника из прошлого, когда еще в ходу были такие номера, трудно себе вообразить, даже обладая суперразвитым воображением писательницы Алены Дмитриевой, все объясняется куда проще. Досужие ребята, обпившись пивка – бр-бррр, как же ненавидела Алена пиво и его пивщиков! – выехали пошутить-погулять, серых уток пострелять, руку правую потешить, сорочина в поле спешить, иль башку с широких плеч у татарина отсечь, или вытравить из леса пятигорского черкеса. А чтобы голову задурить напуганным черкесам или сорочинам, которые станут махать кулаками или, там, саблями им вслед, приляпали на свою машину какой-то старый номер, может, завалившийся в гараже у дедушки одного из весельчаков, или на свалке подобранный, или купленный на толкучке, где торгуют всяким старьем. Хотя, с другой стороны, у ценителей автомобильного ретро такие номера сейчас, пожалуй, дорого стоят!

Да не суть важно, откуда взялся номер, главное, что шутники эти поганые, конечно, жутко довольны собой и своей изобретательностью. А вообще, на самом деле, все прочее в их действиях ужасно тривиально, если не сказать – просто пошло. Взять хотя бы их внешность! У них в этих кожанах был какой-то морально-устарелый вид забубенных качков, извергнутых из чрева (кстати, не факт, что именно из чрева – но факт, что не из головы, как Зевсова дочь Афина! – а вполне возможно, простите за невольную скатологию, из анального отверстия!) перестройкой и ныне сохранившихся, казалось, только в романах Бушкова, медлительное движение челюстей, гоняющих туда-сюда во рту жевательную резинку... цивилизованные, уроды, скажите на милость, откуда что берется?!

Кстати, а вот о цивилизованности... Алену иногда просто-таки пробивали мысли, так сказать, ниоткуда: интересно, родись подобные охламоны (кстати, очень даже не исключено, что слово сие происходит от греческого «охлос», что означает чернь – ну, короче, то же, что римское «плебс») в дореволюционную эпоху, в веке этак девятнадцатом, кем бы они были? Да небось мирно пахали бы землю и сеяли хлебушек, зная не зная, что зелень и деревянные имеют отношение не только к миру растительному... А впрочем, чужая душа – потемки, запросто могли пойти в тати ношные и разбойничать на большой дороге, как вот эти... бледнолицые, просим, конечно, прощения у Фенимора Купера и иже с ним за плагиат.

Алена нахмурилась. Дежавю, однако? Такое ощущение, что эти мысли уже приходили ей в голову, причем совсем недавно...

Стоп, стоп... да ведь именно этими словами Алена не далее как сегодня, всего несколько часов назад описывала ощущения своей героини, на которую напали некие злодеи... напали в парке Пушкина.

В парке Пушкина?!

У Алены Дмитриевой было одно свойство, которое прибавляло популярности ее романам в Нижнем Горьком. Как правило, их действие происходило именно там. Ну разве что иногда еще в Париже или в одной глухой бургундской деревушке, где Алена частенько гостила. Поэтому не было ничего удивительного в том, что действие очередного романа завязалось именно в парке Пушкина. Удивительно другое! Фактически все, о чем написала Алена в этом кратком отрывке, повторилось потом в реальности. Повторилось почти буквально – от места действия и обстановки – ветреной, студеной погоды, слез из глаз, внешности героини и реплик этих скотов – до облика машины и странного, более чем странного номера. Ведь она именно так и закончила свою главку: «И в это мгновение она мельком увидела номер машины. И... и даже горло перехватило, так потрясло ее то, что она увидела...» Конечно, это метафора, и все же номер в реальности был диковинный.

Нет, в самом деле, совпадение за совпадением... В главке из будущего романа героиня стреляла в качестве предупреждения под ноги нападавшим и предупредила, что может взять и повыше. Конечно, револьвера у Алены не было и стрелять она не могла... но почему гнусавый сказал: «Достанешь сейчас пистолетик и будешь пулять нам под ноги, предупреждая, что

можешь и повыше? Нет у тебя никакого пистолетика, правда? Дома забыла? Ну как же ты так оплошала сегодня?»

Такое ощущение, что они прочитали отрывок из Алениного романа и разыграли сцену из него.

Бредовое ощущение. Это совпадение, конечно. Дурацкое, кретинское совпадение! Все хулиганы изъясняются примерно одним и тем же языком. Это их арг, их профессиональный, так сказать, вернее, социальный жаргон. Не они разыграли сцену из Алениного романа, а она описала достаточно типичную сцену нападения на женщину. Вообще что они ей должны были говорить, эти придурки? «Прекрасная дама, не угодно ли вам предаться с нами коллективной любви?» Да нет, они избрали привычный синоним.

Синоним-то синоним... Но парк Пушкина! Но внедорожник со странным номером! Но намеки на пистолет!

Что это было? Нелепое совпадение или не менее нелепый розыгрыш, устроенный нарочно для Алены Дмитриевой? Поневоле начнешь склоняться ко второму предположению.

Глупость, конечно. А все же...

Да брось, ну кто его мог устроить? «Рука Москвы» тут ни при чем, там еще никто не успел прочитать текст, все же воскресенье, ну а даже если какой-то злодейский охранник, он же по совместительству хакер, тайно взломал компьютер Алениной редакторши и влез в него, то как он успел бы организовать нападение на Алену аж в Нижнем Горьком? По звонку? Смешно. Приехала московская зондеркоманда? Еще смешнее. Почти так же невероятно, как явление внедорожника из минувших дней.

Значит, просто странный и необъяснимый розыгрыш. Но почему такое сходство с ее текстом? Ведь, если исключить все же пресловутую «руку Москвы», текст этот, кроме Алены, мог видеть только один человек: Ушастый с его фиолетовыми бортовыми огнями, сиречь световыми диодами наушников.

А в самом деле, что могло ему помешать после ухода Алены просто полюбопытствовать, что там за сообщение так срочно понадобилось отправить взбалмошной дамочке? Прочитал, посмеялся и...

И что?! Позвонил друзьям – предположим, что отыскались у него в друзьях этикие ухари, – и с их помощью устроил засаду возле парка Пушкина?

Предположим, Ушастый обладает недюжинными организаторскими способностями, хотя по виду он – сущее водоплавающее. Но этому водоплавающему нужно было обладать также и недюжинными провидческими способностями, без которых угадать, что Алена окажется нынче вечером в означенном парке, было просто невозможно. Нереально!

Или имело место быть совпадение? Недоразумение? Засада была не засада, а просто дружки Ушастого, прочитав точно и элегантно описанную сцену нападения, решили воплотить ее в жизнь, применив в качестве реквизита любую мимо идущую особу женского пола... коей по чистой случайности оказалась автор сцены, о чем сами лос бандитос-криминалос даже не подозревали?

Ну что же, в жизни Алены Дмитриевой имели место быть самые разные совпадения, на первый взгляд просто-таки самые нереальные. И недоразумения также. Два самых клинических недоразумения-совпадения (назовите как хотите!) относились к началу ее творческой, так сказать, деятельности. Первое произошло, когда Лена Володина (так звали нашу героиню в девичестве, задолго до того, как она приняла фамилию мужа и стала Ярушкиной, и вовсе уж задо-о-олго до той поры, как она сделалась относительно известной писательницей) решила поучаствовать в конкурсе на лучший рассказ из жизни наших современников. Училась она тогда в девятом классе. Написала она там какой-то рассказец, сейчас уж не вспомнить, о чем именно, сдала его завучу (именно завуч возглавляла приемную комиссию на первом этапе), а через день получила первый критический отзыв о своем творчестве.

– Нехорошо, Лена! – строго сказала завуч... как же ее звали, Марья Ивановна или Марья Ильинична, дай бог памяти?.. – Ты должна была сама написать рассказ, а не просить, чтобы за тебя написал знакомый взрослый писатель.

И сколько Лена ни лепетала о том, что писала она сама, всю ночь, как и положено истинному творцу, не спала, ей не поверили.

Второй аналогичный финт столкновения реальности с действительностью произошел, когда Елена – опять же еще не Ярушкина! – занималась журналистикой, но решила попробовать себя в написании детектива для сборника молодых писателей. Жила она тогда в городе Хабаровске (это было связано с ее первым недолгим браком) и дружила с разными молодыми операми из краевого управления ВД. И парни эти, относившиеся к Алене весьма любезно и даже трепетно, снабдили ее очень недурным материалом об одном нашумевшем в свое время деле об ограблении сети лотерейных киосков. Главным фигурантом в этом деле был безрукий левша (в смысле, у него не было правой кисти). Алена его описала со всем пылом своего молодого пера. Повесть была весьма одобрена консультантами. А когда книжка вышла, некий критик из краевой газеты, который таких начинающих писательниц, как Елена, кушал на завтрак, разразился злоехидной статьей, в которой как дважды два доказал, что Елена Ярушкина – бездарь фантастическая, писать совершенно не умеет и о жизни вообще ничего не знает. Да где это видано, чтобы однорукий, да еще и левша, шел на преступление?! Быть такого не может! Елену тогда осмеивали все хабаровские писатели... была она птица не их гнезда, этакая пташка экзотическая, слишком красивая, слишком бойкая, к маститым авторам не хаживала с мольбой исправить ее стилистические ошибки, напротив, не стеснялась оных маститых высмеивать за благоглупости... на самом деле, из всей когорты этих так называемых дальневосточных писателей Алена добрым словом вспоминала только одного своего любовника, безмерно запойного гения, насмерть забитого в пьяной драке, и еще одного седого прозаика, напоминавшего немолодого и несколько потрепанного льва. Он пророчил молодой неосторожной барышне блестящее писательское будущее, а также был мастером весьма полезных трюизмов. Многие Алена подзабыла за давностью лет, но один помнила по сей день: «Если напишешь что-то – может, кто и напечатает. А не напишешь – точно не напечатает никто!» И этому завету Владимира Александровича Русскова, царство ему небесное, Алена следовала чуть ли не каждый день...

Так к чему все это вспоминается? Ах да, это иллюстрация к рассуждениям о совпадениях и недоразумениях.

Кретинская история! Во всем кретинская, совпадение это или недоразумение. Чем больше Алена думала о случившемся, тем больше хотелось ей повидаться с Ушастым и напрямую спросить, читал ли он ее сообщение или нет. Конечно, он может отовратиться. Конечно, он может послать ее туда, где Макар телят не пас. Конечно, он...

Он может делать что угодно, но Алена сумеет припереть его к стене. В крайнем случае пустит в ход магическое имя Льва Иваныча.

Она была человеком действия, поэтому ей захотелось прямо сейчас ринуться в тот салон и начать припирать Ушастого к стене. Остановили два трезвых, вполне трезвых, несмотря на то, что была принята уже вторая порция мартини, соображения: во-первых, трудно представить, что Ушастый так и ждет ее там, в салоне. Наверняка он отчалил домой, то есть придется его еще где-то искать. А никакая сила не могла заставить Алену сейчас выйти из дому, все же она до сих пор тряслась. Это и было вторым соображением, остановившим ее порыв. И все же пылкий и мстительный Дракон (иногда даже великодушный и всепрощающий Дракон бывает мстителем, и уж если он разойдется – только держись!) в ее душе требовал действий, а практичная Дева выстраивала их схему.

Что же она сделала? Для начала вытащила из фирменной (шелковой розовой) сумочки баснословные танго-туфли (фирма «Neotango», высота каблука понятно какая, каблук лаки-

рованный красный, сами туфли лакированные черные, ремешок и отделка задника красные с блеском, и еще красненьким отделано то местечко в вырезанном носочке, на котором помещаются пальчики... в общем, слово «отпад» как нельзя более подходит к этой модели), чтобы они, уставшие от непрерывного тангования, немножко проветрились. Повесила в шкаф любимую атласную танго-юбку с таким разрезом, что пару раз Алена чуть из него не выпала, а также шелковую водолазку без рукавов, но с высоким воротом – тоже, понятное дело, черную, с люрексом... красотища! Положила на место красные серьги и красную заколку... сегодня она была просто-таки иллюстрацией к известному роману Стендаля! – потом постирала драгоценные колготки, которые во время тангования удалось каким-то чудом не порвать. Рвутся они обычно на пальцах – там, где неосторожный партнер так и норовит отдавить ножку зазевавшейся тангере (тангера – так, чтоб вы знали, называется девушка, которая танцует аргентинское танго, ну а мужчина, партнер ее, зовется тангеро, а вместе они – тангерос... ах, какие волнующие, чарующие, манящие, какие волшебные слова!), ну и иногда спереди, когда партнерша, опуская после переднего болео ногу, нечаянно возьмет да и чиркнет сама себе по голени острым каблучком. Обошлось на сей раз, как уже было сказано. Потом Алена умылась, приняла душ, надела пижаму и халат и включила компьютер.

И он заработал! Смотрите-ка, даже всеми клятый провайдер-монополист «Волга-телеком» («Вобла-телеком» в просторечии) порой выполняет свои обещания. Эх, знать бы, что он заработает, так можно было бы не суетиться и, вполне вероятно, не огрести нынче вечером столько негатива.

На всякий случай Алена продублировала свое сообщение в издательство, то есть отправила туда текст заново. А то мало ли что! На почве ее вечерних приключений у кого угодно могла развиваться мания преследования.

А потом Алена занялась тем, чем собиралась.

Этот проклятуций номер не давал ей покою...

Сначала она просто набрала в поисковике – любимый, верный помощник «Google», ответы на какие только загадки ни находила Алена с его помощью! – это загадочное сочетание букв и цифр: ГК 01–11. Однако на сей раз «Google» заставил усомниться в здравости своего рассудка, потому что буквосочетание ГК он трактовал исключительно как аббревиатуру слов Гражданский кодекс, ну а 01–11 превращал в 01.11 и уверял Алену, будто это часы и минуты. Одиннадцать минут второго.

Алена невзначай бросила взгляд на часы и обнаружила, что «Google», как всегда, прав и с его рассудком все более чем нормально. Уже второй час ночи, в самом деле, спать пора! Однако она себя знала: ни за что не уснет. И мартини не поможет. Да и вообще, хватит пить, а то завтра личико будет не столь лилейное, как обычно. Нужно поискать еще ходы к разгадке странного номера. Набранные в поисковой строке слова «Регистрационные знаки» или «История номерных знаков» завели ее в такие дебри ссылок, из которых и по гроб жизни не выпутаешься. Будь у нее штат сотрудников, они, конечно, помогли бы... а она ведь одна! Ну кто поможет?

Стоп... что-то давненько не бывала она на городском форуме, а ведь это суший кладезь полезнейшей информации! Причем на общем городском есть раздел – Автофорум. Алена на него ни разу не выходила, она все больше тусовалась на Литературном, Танцевальном или, к примеру, Бабском, однако надо же опробовать новые пути.

На Автофоруме кипела жизнь, несмотря на позднее время. У Алены в глазах заребило от множества проблем, волнующих народ в такую пору.

«Как „Нижегородец“ продал мне новый битый „Гетц“; – желал всем поведать некто с ником⁷ Poskrebush.

«Помогите!» – взывал(ла?) некто Heretique.

⁷ Ник – псевдоним, под которым выходят на форумы в Интернете.

«Сколько от Нижнего до Пошатово Арзамасского р-на в километрах и часах?» – вопрошал Zeal.

«В новый автосервис требуются диагност и электрик», – сообщал Rmalyshev.

«А че все катаются сегодня?» – удивлялся(лялась) Ronyn 197.

«Отделаться от привычки ездить нетрезвым...» – мечтал(ла?) Ice.

«А как прошел самый первый выезд в автошколе?» – интересовался DiMs.

«Про Бензин. Скоро он будет стоить 9 руб.», – мрачно пророчил(ла?) A.ka.

«А не пора ли переобуваться на летнюю резину?)))))» – острил(ла?) Но2t, потому что погоды стояли хоть и ветреные, но такие солнечные, что просто диво дивное!

«Как назвать человека, готового задавить женищницу с коляской на внутридомовой территории?» – возмущалась L-isa.

«А у нас начали наказывать за левый ряд???» – тревожился Антоха 52.

Ну и так далее, и тому подобное.

Страничка форума выглядела нарядно и празднично – ведь многие ники были снабжены щитками с цифрами, которые обозначали почетные уровни. Синий – первый уровень, самый низкий, розовый – второй, зеленый – третий, желтый – четвертый и самый почетный – красный – пятый. Пестрело в глазах и от букетиков-бантиков-бутылок, которые были к некоторым никам прицеплены. На всех городских форумах было принято посылать друг другу виртуальные подарочки. К некоторым никам, однако, были несмываемо приклеены позорные черные метки: изображение черепашки. Жуть, конечно, и вообще глупо, но взрослые тоже любят играть в разные игры, не стоит их за это осуждать.

Алена когда-то давным-давно взяла себе ник Бэкингом, ну, с тех пор им и пользовалась. Он некогда помог ей сыграть в очень запутанную и опасную игру... ну, ту самую, откуда она вышла не просто победительницей, но даже с очень немалым бонусом, как моральным, так и физическим.⁸

Она открыла новую тему и озаглавила ее: «Номерной знак образца??? года %»). Смайлик %) означал, что пользователь Бэкингом находится в величайшем затруднении, ну просто глазки к носику сошлись от напряжения! Ник без уровней и подарков выглядел сиротливо, ну и ладно, зато на своих любимых форумах, Танцевальном и Литературном, Алена щеголяла зелеными щитками третьего уровня, которые вот-вот должны были почетно пожелтеть и поднять ее в форумском мире на более высокую ступень. Нет, ну понятно, суета сует и томление духа, а все же... забавно все же!

Итак...

«ТЕМА: Номерной знак образца??? года %)

Бэкингом: Господа, кто знает, где можно выяснить, что означает набор цифр и букв для номерных знаков очень ретро-времен? Белые буквы на черном фоне. – Сам номер Алена указывать не стала. – Занимается ли кто-то историей автомобилей в таком, не побоюсь этого слова, ракурсе? Где-то это можно увидеть, на каком-то сайте, в книге etc? Интересно именно Горький, не Москва и не вообще. Очень нужно знать, буду весьма признательна за помощь))) Спасибо)))

Буквально через минуту выскочило сообщение, первым отозвался некто Подлиза:

«Это вам надо в облаа. Или музей ГУВД».

И не успела Алена грустно вздохнуть от такого неконструктивного совета, как сообщения посыпались один за другим! Причем были среди них как толковые, так и типичный форумский флуд, в котором Бэкингом тоже поучаствовал, таковы уж тут были правила хорошего тона: если тебе помогли, будь любезен поиграть в некие ритуальные игры.

⁸ Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Академия оболыщения», издательство «Эксмо».

«Vp Не знаю:(– Этот смайлик означал крайнюю степень огорчения. – *Времени нет искать, спать охота, сорри, но я бы начал отсюда: yandex.ru/yandsearch?text=%D...1%80%D0%BE%D0%B?D*»

AlexN *Посмотри тут: www.autogallery.org.ru/y/ynom1938.htm?*

ХондРа *Михалков начал снимать новый фильм? «Утомленный зритель —32»? Никита Сергеевич был комдивом, царем, теперь, наверное, богом?»*

Словам этим Алена очень удивилась. При чем тут Михалков?! И подала на форуме острожную реплику, снабдив ее набором скобочек-смайликов, означавших любезные улыбочки:

«**Бэкингем** Пардон?)))»

ХондРа *Ди муа сильвупле, ке ву фет? Ву шерие сет информасьен пур нуво синема, у пур вотре травай? Миль пардон за мой прованский))))))))))»*

Вах! Ну, если на Автофоруме народ по-французски или как бы по-французски интересуется, ищет ли она информацию для нового фильма или для своей работы, ну просто никак нельзя и Бэкингема ударять в грязь лицом, ликом, ником!

«**Бэкингем** Ви, мсье, пур мон травай))) Прованский тре бьян)))»

71 Баян?))))))»

Бэкингем *No accordйон€. Tres bien))))*

ХондРа)))Манифик!)))»

Бэкингем Мерси))))))»

Видимо, столь утонченный обмен любезностями все же не был совсем уж обыденным делом на Автофоруме, потому что последовали озадаченные реплики:

«**Тыблоко** Взрыф моска)))»

Agent of Liberty *От Хондры такого не ожидал))))))»*

В другое время Алена непременно полюбезничала бы с Агентом, который был невероятный обаяшка, всеобщий любимчик и вообще красавчик (*красафчег*, как принято писать на форуме), однако сейчас ей было не до того. Руки так и чесались пройти по указанным ссылкам... вообще это словосочетание «руки чесались» в сочетании с глаголом «пройти» кажется совершенно нелепым и невероятным только для тех, кто ничего не понимает в Инете... поэтому Алена кликнула на первую же ссылку – и на открывшемся сайте под названием «Carseller» прочла вот такой материалчик под названием «История автомобильных номеров»:

«Государственный регистрационный номер – своеобразный документ, удостоверяющий „личность“ машины. Его история не намного короче истории самого автомобиля. Впрочем, регистрация транспортных средств существовала еще до изобретения автомашины. Со второй половины XIX века в городах нумеровали извозчиков конных экипажей, а позднее также и велосипедистов.

Сведения о том, где был выдан первый автомобильный номерной знак, разнятся. Есть несколько версий того, где и как это произошло. В любом случае можно сказать, что в Европе первые номера появились в 90-х годах XIX столетия. В Российской империи это событие произошло несколько позже. Первые номерные знаки на автомобилях были установлены в самом начале XX столетия. Случилось это, кстати, не в столице, которой тогда был Санкт-Петербург, а в Риге в 1904 году.

Первоначально на номерах писались только цифры. В те далекие времена число автомашин было очень невелико и владели ими лишь наиболее обеспеченные граждане. Единой государственной системы регистрации не существовало. В каждом городе были свои собственные номера, которые сильно различались по размерам и внешнему виду. Их меняли ежегодно после прохождения техосмотра. Это обстоятельство создавало тогдашним автовладельцам дополнительные неудобства.

До революции 1917 года никаких кардинальных изменений в правилах учета введено не было. Автомобили оставались предметом роскоши и встречались главным образом в крупных

городах и в очень ограниченном количестве. Да и после революции у новых властей далеко не сразу дошли руки до постановки автомашин на учет. Однако время шло, и автомашин в Советском Союзе становилось все больше. А поскольку при социализме были чрезвычайно важны учет и контроль, то по мере увеличения числа автомобилей возрастала и необходимость их регистрации. Стандартные номера единого для всей страны образца были введены в СССР в 1931 году. На белом поле черным цветом изображались буква и две пары цифр.

В течение 30-х годов номерная система не раз реформировалась. Уже в 1934 году буква была заменена цифрой, сам номер стал отражать территориальную принадлежность автомашины, а под цифрами писали название одного из 45 дортрансов (регионов), на которые был поделен Советский Союз. Цвета номерного знака остались без изменений.

В 1936 году была проведена новая реформа. Номер теперь состоял из двухбуквенного индекса, обозначающего регион, и двух пар цифр, разделенных между собой дефисом. Цвета поменялись: на черном фоне белые цифры и буквы.

После окончания Великой Отечественной войны, в 1946 году, номерные знаки снова подверглись изменениям. Радикально изменился цвет номера. Теперь фон стал желтым, буквы и цифры – черными. Регистрационные знаки такого типа просуществовали в Советском Союзе до конца 50-х годов.

С 1959 года вновь появились белые буквы и цифры на черном фоне. Правда, количество букв увеличилось. Теперь их стало три. Буквы, как и прежде, отражали территориальную принадлежность автомобиля. За всю историю СССР такие номерные знаки существовали дольше всех остальных – более двух десятилетий, до начала 80-х годов.

В 1981 году произошло последнее изменение автомобильных номеров в Советском Союзе. На новых номерных знаках черные буквы и цифры писались на белом фоне. По таким номерам легко можно было определить хозяина машины. На автомобилях, принадлежавших государственным учреждениям, все три буквы находились после четырехзначного числа, а на машинах частных владельцев одна буква стояла спереди, а остальные, соответственно, позади цифр.

Действующий ныне в РФ стандарт номерных знаков был введен в 1994 году. Их формат полностью изменился. Теперь на всех номерах вначале идет буква, затем три цифры, за ними еще две буквы. В правой части знака появились изображение флага Российской Федерации и буквенное обозначение государства – **RUS**. Регион стали обозначать двузначными (позднее и трехзначными) числами».

Нет, в самом деле, интереснейшая статья, и Алена прочла ее с удовольствием, потому что никогда не упускала случая набить свой «чердачок» (помните, Шерлок Холмс называл нашу память чердачком, набитым всяческим хламом?) очередной порцией «хлама». Выходило, что белые буквы на черном фоне писали на номерных знаках дважды в истории: с 1936 года по конец Отечественной войны, по 1945-й, стало быть, и с 1959 по 1981 год. Однако в этот последний период на знаке было не две буквы, а три. Получается, знак, который она видела, был выдан неизвестному автомобилисту в 1936–1945 годах...

Так, отлично, а куда заведет нас вторая ссылка? Алена быстро перешла по ней и очутилась на сайте, который так и назывался: «Галерея автомотостарины. Номерные знаки образца 1936 года». Ну, это была просто лавка древностей! Алена так и ринулась «рыться» в ней!

«Здесь приведены собранные по фрагментам и очень далекие от полной картины данные об областной принадлежности машин, имеющих в номере следующие буквы.

Использовались только 28 букв: **АБВГДЕЖЗИКЛМНОПРСТУФХЦЧШЩЭЮЯ**

Азово-Черноморский край (до 1937 года, номера, возможно, и дольше) – **АЧ**...

Башкирия – **БА**...

Владимирская область (образована в 1944-м) – **ВД** (только эта серия)

Вологодская область – **ВА**...

Горьковская область – ГК (на фото передний мотономер, были и автомобильные), ГЛ... Западно-Сибирский край (30.07.1930 – 28.09.1937, номера, возможно, и дольше) – ЗС(?), ЗТ...»

Алена быстро проглядела дальнейший текст. Буква в различных сочетаниях употреблялась не только в номерных знаках Горьковской области, но и в грузинских:

«Грузия – ГА, ГР...»

А вдруг знак, который она видела, грузинский? Вот еще не хватало... Лучше отвести это предположение как несостоятельное. Алена так и поступила и углубилась в дальнейший текст, который тоже оказался весьма интересным:

«Номера этого стандарта выдавались до 1947 года, а в некоторых регионах и позже. На мотоциклетных знаках буквы и цифры были меньшего размера, чем на автомобильных. Это был последний советский стандарт, когда выдавались и передние номера на мотоциклы (крепилась на переднем крыле вдоль направления движения и были изогнуты по форме крыла, не всегда).

Размеры автознака – 56 х 14 см.

И буквы и окантовка выпуклые.

Обратите внимание, что буквы по размеру немного больше, чем цифры.

На послевоенных задних номерах буквы расположены не по центру, а слева».

Стоп, нахмурилась Алена. Буквы на том знаке, который она видела, стояли именно что не слева, а сверху, над цифрами, как бы и в самом деле посередине! Выглядело это не так:

ГК 01–11,

а так:

ГК

01–11.

Получается, что знак, который она видела, был все же довоенным.

Ну что ж! Ощувив в голове приятное такое оживление, означающее, что обитатели ее «чердачка» довольны новоселами, Алена вновь вышла на Автофорум (народу на нем изрядно поуменилось: ну конечно, все-таки второй час, даже самые заядлые флудеры в такое время отползают в кровать, все-таки завтра понедельник!) и, открыв свою тему, пылко поблагодарила тех, кто ей помог:

«Бэкингем Слушайте, ну спасибо вам всем огромное!!! Нашла то, что нужно было, а я-то колуналась в Гугле как-то по-дамски нелепо и ничего толкового не могла найти!!!!)»
Как здорово!!!!

Вопрос снят, полный восторг! Спокойной ночи!!!!)»

Пожелание можно было адресовать и себе. Глотнув напоследок еще капельку мартини (ну надо же отметить собственные интеллектуальные достижения!), Алена отправилась в постель и только тут задумалась, а за каким, собственно, чертом ей сдалась вся эта возня с автомобильными ретро-номерами и куда она результаты своего интеллектуального штурма унд дранга намерена применить.

На самом деле, вроде бы и незачем, и ни к чему...

Ну и ладно. Зато лишний раз проверила свои исследовательские способности, конечно же, незаурядные (ну, сам себя не похвалишь, понятно, что никто не похвалит).

Сон между тем где-то притормозил. Встать, что ли, и опять пойти за компьютер? Да неохота что-то... общение ночью с Инетом так заряжает, что потом до утра вообще не уснешь. Лучше что-то почитать. Что-то давно знакомое, читаное-перечитаное, любимое... какую-нибудь книжку, которая и удовольствие доставит, и успокоит, подобно мартини.

Есть такая книжка! «Алмазный мой венец» Катаева. Катаева Алена обожала еще с тех пор, как прочла «Белеет парус одинокий». Потрясающий писатель, он был рядом с ней всегда: и в детстве, и в юности, и во времена взросления... Мало, кстати, найдется таких уника-

мов, которые остаются нашими друзьями на всю жизнь. Вот и Юрий Олеша, которого Катаев в «Венце» зашифровал под именем... под ником! – «ключик»: девочкой Алена читала «Три толстяка», а потом «Зависть», «Ни дня без строчки», рассказы – словом, все, что Катаев называл его «чудесной нарядной прозой».

Немедленно захотелось почитать Катаева. «Авиатора Уточкина» или «Любовь», про встречу с дальтоником, который сначала весьма гордился своим умением видеть мир в необычных красках, например, синие груши, а потом готов был все отдать ради любви... забавный, трогательный, невероятно чувственный рассказ!

Алена только собралась встать и пойти в кабинет, где стояли книжные шкафы, поискать сборник Олеши, как ее неудержимо потянуло в сон, и она еле успела выключить свет, а потом заснула. Снились ей синие груши... Кстати, ничего удивительного в этом не было, ей очень часто снились сны в нереальном цвете, хотя никаким дальтоником она не была... да и вообще, к счастью, это заболевание, говорят, не встречается у женщин!

Спасибо, как говорится, и на том.

Из воспоминаний Лены Вахрушиной (если бы они были написаны, эти воспоминания...)

У меня никогда не было отдельной комнаты. Ни-ког-да. Мы вчетвером жили вместе: отец, мать и мы с Миркой, это братишка мой. Комната наша общая, правда, была большая, даже огромная. Раньше, когда квартира принадлежала барину, тут была зала. Мне так нравится это слово... Не зал, зал – это что-то маленькое, а зала... Уважительное слово, солидное. Может быть, в этой зале даже балы давали для таких же угнетателей трудящихся масс, каким был хозяин квартиры. При царизме во всех пяти комнатах жили только трое: присяжный поверенный (соседка, Нина Сергеевна, объяснила, что раньше так адвокаты назывались) Пустошин, его жена и сын. Это аж по полторы комнаты на брата выходило, даже больше, чем по полторы. Конечно, у них была еще прислуга: кухарка, она же горничная, но она жила в боковушке без окон. Пацан пустошинский, конечно, в гимназию ходил, мамаша тунеядствовала, а адвокат наживался на бедах пролетариата и крестьянства, которые пытались отстоять свои интересы перед лицом разжиревших богатеев, но ведь закон в старое время не защищал их, его всемерно гнули по себе имущие классы. Тогда, перед революцией 1917 года, возмущенный трудовой народ и сложил поговорку: «Закон – что дышло, как повернул его, так и вышло». Недаром у этого присяжного поверенного была такая фамилия – Пустошин. Одна пустота с него выходила пролетариату и беднейшим слоям русского крестьянства, никакого толку. Я почему знала, как была его фамилия? Потому что на нашей двери – ну, которая с лестницы в квартиру ведет, – долго-долго висела медная табличка с его фамилией, так витиевато написанной дореволюционным шрифтом, со всякими там твердыми знаками, смотреть противно. Хорошо, что эти буквы теперь ликвидированы как класс, а то бедным гимназистам и гимназисткам столько лишней ерунды учить приходилось! Хотя гимназисты и гимназистки бедными как раз не были, раз их родители имели деньги, чтобы за обучение платить. Тогда же не было бесплатного образования для всего трудового народа, как в нашей Советской стране, где свято исполняется завет великого Ленина: «Коммунистом невозможно стать, если не обогатить свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

После того как все накопленное нетрудовым путем богатство перешло в истинному его хозяину – народу, Пустошину дали коленом под зад, а то и к стенке поставили как пособника угнетателей трудового народа, семья его тоже неизвестно где, может, сбежала с белогвардейцами за границу и теперь побирается на задворках капиталистической империи или строит козни против первой в мире молодой Советской республики. А в его квартире поселили таких же, как наша семья: выходцев из низов, которыми теперь, после того как взошло солнце Октября, открыты все пути и улучшены условия жизни. Мы пользуемся теперь всеми теми благами, которые раньше были доступны только классу угнетателей. Теперь их подгнивший

мир разрушен до основания. Теперь мы строим наш новый мир. Но, конечно, до тех пор, пока это строительство развернется на полную мощь, должно пройти некоторое время. Время становления. Слишком много недобитков, агентов мирового империализма, затаились в нашем новом обществе и мешают процессу созидания. Именно они затягивают снабжение материалами новостроек, оттого у нас еще возникают отдельные, конечно, очень редкие, недостатки в работе. С другой стороны, распределение материальных благ происходит не всегда по коммунистическому принципу: «От каждого по способностям, каждому по труду». Например, в нашей квартире живет четыре семьи. Мы: отец, мать, Мирка и я. Наша комната – одна. Остается еще четыре. В одной живет инспектор райздравотдела. В другой – начальник пожарной охраны с женой и сыном. И целых две комнаты занимают Шаманины. Считается, что Николаю Алексеевичу положен кабинет. Мало того, что у него машина, персональная машина, так еще и кабинет ему подавай! Отдельный. Для работы. А какая у него работа дома?! Он же инженер-строитель. У него работа на стройплощадке, на площади Первого мая, где Дом связи строят. Но он еще и профессор, он лекции в Индустриальном институте читает, ну и, говорят, ему положен кабинет. Но у них там вместо кабинета и столовая тоже. Нина Ионовна стоговит что-нибудь на примусе, а потом несет в этот кабинет. Там и стол круглый, обеденный, стоит, а письменный стол Николая Алексеевича в угол задвинут, под полки с книгами. Нецелевое использование помещения, как пишут в газетах! Вторая комната у них – спальня. Но там спят только Николай Алексеевич с Ниной Ионовной, а Тонька в боковушке, той самой, где когда-то жила пустошинская горничная, а теперь Тонька там как царица. Правда, там еще мольберт стоит, краски лежат, потому что иногда Николай Алексеевич картинки малюет. Выйдет на улицу и рисует какое-нибудь дерево. Или старый дом. Или просто траву с одуванчиками. Тоже мне, рисунки, ерунда одна, мазня. Ну, он был странный во всем. Например, рисовать никогда не ходил один, всегда с ним были или Нина Ионовна, или Тонька. «Это мои советники, – говорил он, – самые строгие судьи моих картин!»

Ой, да что бы они понимали в картинах? Один раз я слышала, как Тонька с отцом спорила. Он ей говорит, что здесь нужен серый цвет, а она – что зеленый. Какое же это художество, если кто угодно может художнику указывать, каким цветом рисовать?! Ну, Тонька, конечно, была права, потому что листья лопуха, которые тогда Николай Алексеевич рисовал, конечно, зелеными лучше смотрелись, ведь лето на дворе, солнце светит, а если они серые, то это вообще ни в какие ворота не лезет!

Нет, кто додумался бы листья лопуха рисовать, когда можно запечатлевать процесс социалистического строительства?! Но, наверное, у него в душе и впрямь живо было прошлое... это потом и выяснилось, все, что я подозревала! Недобитый буржуй он был, вот кто.

Однажды я сказала Тоньке, что они живут, как буржуи, потому что у них три комнаты на троих, а у нас на четверых только одна. Тонька посмотрела на меня сверху вниз, усмехнулась, глазами так повела, как будто хотела сказать: «Ну боже мой, ну какие глупости приходится выслушивать!» – и усмехнулась снисходительно:

– Ленка, ты считать умеешь? Вроде бы, насколько я помню, в шестом классе уже учат складывать и вычитать, делить и умножать.

Это она намекала, что уже в девятый ходит, сильно умная! Ну да, она была по всем предметам отличница, а я только по обществознанию. Зато когда меня вызывали к доске на обществознании, весь класс сидел разинув рот. Я ведь все газеты... от первой странички до последней... любую передовицу «Правды» могу наизусть продекламировать с любого места! И вообще...

«У тебя убийственная логика, Вахрушина, ты все, что угодно, доказать можешь», – сказал Сергей Силыч, наш преподаватель истории, после того как я ему как дважды два доказала, что любой человек, который позволит себе заболеть и пропустить работу, есть уклонист и враг народа, потому что наша страна нуждается в здоровых работниках физического и умственного

труда, а если человек заболел, значит, он ставит палки в колеса строительству социализма. В тот день как раз было родительское собрание, и я сама слышала, как наш директор говорил моему отцу, что я готовый инструктор райкома партии, меня надо на агитационную работу выдвигать. Отец глаза вытарашил, а дома рассказал про это матери, а она заплакала. Да и отец, вместо того чтобы гордо посмотреть на свою дочь, то есть на меня, как на достойного представителя будущего поколения, смотрел как-то странно.

– Ты бы это, Ленка... – наконец сказал он сдавленно. – Ты бы потише... Не перегибай палку, не впадай в крайности. А не ровен час, на меня на стройке бревно упадет, слягу я с переломанными конечностями или вообще с проломленной башкой. Что скажешь? Что я враг народа?

– Нет, – усмехнулась я, – я скажу, что враг народа тот, кто допустил, чтобы на тебя скатилось это бревно. Десятник, бригадир или кто там...

– Ленка! – всхлипнула мать. – Да ведь твой отец и есть десятник!

– Да ведь он сам на себя не станет бревно скатывать! – чуть не заорала я, дивясь отсталости и непонятливости старшего поколения.

Нет, все-таки крестьянские корни очень тянут мою мать назад, в прошлое – в замшелый мир устарелых представлений, в бездну отсталости, косности, нежелания воспринять новое, светлое всей душой и всем сердцем!

Но я о чем начала рассказывать? Я начала рассказывать о том, как мы с Тонькой Шаманиной спорили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.